

Лeonид Петрович, можно понять гоголевских чувствительных дам, которые «облегчали нос посредством платка». Труднее понять бывших чиновников, именуемых бедных - социально незащищенными, а издевательства над солдатами - неуставными отношениями. Может, есть в этом какая-то высшая государственная мудрость?

- Мудрость простая - закамуфлировать, прикрыть существо дела. Зачем говорить «повышение цен»? «Либерализация» - лучше, люди не сразу поймут. Это старая советская традиция, когда расстрел заменяли «высшей мерой социальной защиты» - получалось велеречиво и туманно. Компетентные органы вместо КГБ, учреждение вместо тюрьмы, спецконтингент, спецхран и спецполиклиника - за всем этим кроются явления, которые власть старалась не афишировать. Сняли чиновника с работы - рассмотрели организационный вопрос. О советских солдатах, воевавших в Афганистане, - войны-интернационалисты, дружеская помощь, ограниченный контингент... То же происходит и сейчас: «Возникли определенные проблемы в межнациональных отношениях». Хотя на самом деле - поножовщина и убийства, но люди поняли: какая-то ерунда, очередные проблемы...

Эвфемизм в переводе с греческого означает «хорошо говорить». Он призван вуалировать, маскировать суть явления, которые говорящему представляются грубыми или неактивными: *скончаться* вместо умереть, *говорить неправду* вместо врать... Чиновники и политики часто используют такой язык, чтобы не называть неприятные вещи своими именами. Скажем, работа идет, но результатов нет. Факт неприятный. А сказать, что есть определенные подвижки, - впечатление уже другое. Отсюда же и всевозможные антитеррористические операции, наведение конституционного порядка вместо войны и тому подобные канцелярские красоты.

Впрочем, бывает, что таким способом пытаются поднять престиж профессии. И человек уже не надзиратель, а *контролер*, не палач, а *исполнитель*, не ассенизатор, а *оператор очистных работ*.

Насколько серьезно эти изобретения влияют на наш язык?

- Во всяком случае, бесследно не проходит. Ведь чиновничий язык включает в себя не только эвфемизмы, но и своеобразные словечки: *обговорить* вместо обсудить, *конкретика* («Наполним планы конкретикой!»), *задействовать, озвучить*... Журналисты включают такие монологи в свои тексты, и безграмотность становится привычной. Чего стоит хотя бы безобразное использование предлога *по*: договорились по Газпрому, по Чубайсу уже обсудили.

Это старая советская традиция, когда расстрел заменяли высшей мерой социальной защиты. Получалось велеречиво и туманно.

Есть и любимые обороты - всевозможные будем так говорить, единое пространство (от рублевого до информационного), непредрасказуемые последствия... Почему такие изобретения стали привычными?

- Причины тут разные. У лингвистов есть специальный термин - *хезитация*. Он обозначает всем известное явление: когда человек начал говорить, но не знает, что скажет дальше, то, вместо того чтобы мычать и экать, заполняет промежутки всевозможными *как бы, типа, будем так говорить*.

Что касается *единого пространства*, то это пример так называемых модных слов и выражений. Например, стало модным вместо слов «популярный, выдающийся, замечательный» - синонимов тут много - обходиться всего одним: *культовый* (фильм, роман, певец). А о незаурядном событии можно сказать кратко: *знаковая встреча* (выставка, дискуссия). Задача модного слова - не только втиснуть все синонимы в одно, но еще и с его помощью попасть в среду своих. Человек знает нужные слова - значит, он свой для этой среды.

Есть даже модные цитаты: «история не знает сослагательного наклонения», «дураки и дороги», «что делать и кто виноват»... Эта мода на нечто, плавающее на поверхности, характерна для квазиинтеллектуальности с ее полужанрами.

Порой слушаешь наших современников, которые делятся мыслями с экрана телевизора, и складывается впечатление, что идет огрубление языка: без понятия, без разницы, наезды, раскрутки, откаты... В чем тут дело?

- Да, смесь жаргона с просторечием стала привычна. Ничего удивительного,

Англичанин Джордж Оруэлл, пытаясь заглянуть в наше будущее, писал, что к 2050 году нормальный язык будет вытеснен новоязом. Его задача - свести к минимуму выбор слов, а заодно и заключить в строгие рамки наши неконтролируемые раздумья. Слово «свобода» там останется лишь в таких выражениях, как, например, «туалет свободен». Благозвучие перевешивает все остальные соображения, и словарь с каждым годом не увеличивается, а уменьшается. Наша страна хоть и свернула с предначертанного писателем пути, но все же некоторые черты нового языка очень узнаваемы. У нас нет ни бродяг, ни ночлежек, зато имеются *бомжи и дома ночного пребывания. Есть определенные проблемы, но есть и подвижки с наработками. Наши чиновники и политики сначала все это трудолюбиво обговаривают, а потом озвучивают. Порой и озадачивают загадочными фразами вроде: «Тупить и лопушить - я думаю, это не наш девиз сегодня!»... Что же происходит? Среди тех, кто*

ФОТО ЭЛИЯНА ЛАПОВКА

занимается этим вопросом профессионально, - профессор Леонид Петрович КРЫСИН, заместитель директора Института русского языка РАН им. Виноградова, а также заведующий отделом современного русского языка.

УЧИМ ЯЗЫК XXI ВЕКА?

если во власть пришли такие, как Винни Пух и Шепелявый. Они продолжают говорить так, как для них проще и привычнее, - *разборка, забить стрелку*... Языковая свобода, которая появилась в конце 80-х, имеет и оборотную сторону.

А где свобода не в новинку - там как?
- Мировая тенденция такая: например, во французском, английском существует так называемый общий сленг. Из разных социальных и профессиональных жаргонов некоторые речевые стеклись в какое-то общее озеро. И этот сленг понятен всем носителям языка.

Некоторые исследователи думают, что похожий процесс идет и у нас. Помимо уголовного, студенческого, наркоманского, жаргона проституток и торговцев образуется и общий - *беспредел, раскрутка, крутой парень*. Те, кто говорит на литературном языке, пока ощущают подобные слова как жаргонные, и поэтому в современных словарях при них ставится соответствующая пометка.

Кстати, в нашем языке немало слов, бывших когда-то жаргонными. Так, в середине XIX века *двурушником* нищие называли того, кто протягивал за милостыней обе руки. *Животрепещущий* при-

Чиновники и политики часто используют эвфемизмы, чтобы не называть неприятные вещи своими именами.

шло из языка торговцев и обозначало только что пойманную рыбу. Как видим, какие-то элементы жаргона проникают в литературный язык, но многое отсеивается, потому что он умеет бороться с накипью.

Но у языка нет вкуса. Что получается с ним в результате этого стихийного процесса: в конце концов он огрубляется или обогащается, развивается?

- Вкус есть у носителей языка. Всегда существовали люди, которые образцово говорили, правильно использовали

Дураки и дороги, что делать и кто виноват... Мода на нечто, плавающее на поверхности, характерна для квазиинтеллектуальности с ее полужанром.

язык, и на них ориентировались остальные. Долгое время эту роль выполняли актеры театров, потом дикторы радио и телевидения, которых учили лучшие

специалисты-языковеды, но затем дикторов сменили ведущие, и в уши - язык улицы.

Если в быту всякие языковые запреты и декреты бесполезны, то в публичных сферах определенная «лингвистическая инспекция» возможна и необходима. Я имею в виду СМИ, законодательство, ад-

Многие считают иностранное слово более престижным. Портной и манекенщица звучат обыденно, а кутюрье и топ-модель - совсем другое дело.

министративное общение между учреждениями. В позапрошлом году был принят закон о русском языке как государственном. Но, к сожалению, он не работает, потому что плохо написан. Например, говорится, что нельзя употреблять иностранные слова, если есть соответствующие русские. Что это значит? Предположим, кто-то в редакции решит, что *эксклюзивный* лучше, чем *исключительный*. Кто судья, какие тут механизмы?

Во Франции, например, очень жесткая политика по отношению к иностранным словам, там не хотят допускать в язык англицизмы. Да и в славянских языках - например, словенском, польском - сильна тенденция к самобытности: не *электровоз*, а *возило*, не *автомобиль*, а *самолод*... Но все равно заимствования проникают и туда.

Бутик, шоп, топ-модель, путана... Что, русских аналогов не подберем?

- Дело не в отсутствии аналогов, а в стремлении к некоему «шику». Это я называю повышением в ранге. Многие считают иностранное слово более престижным. Если *портной* и *манекенщица* звучат обыденно, то *кутюрье* и *топ-модель* - совсем другое дело. Французский *бутик* - лавочка, небольшой магазин, а у нас это магазин модной одежды. Английский *хостис* (приют, богадельня) стал дорогой больницей для безнадежных больных. Для итальянцев *путана* - проститутка, а в России - то же самое, но подороже.

Многие заимствования объясняются модой на иностранное. Вот, скажем, *формат*, в новом значении пришедший из английского. В отличие от знакомых сочетаний типа *формат газетного листа* новое значение указывает на некоторые рамки, порядок ведения чего-либо. Вот и говорят: *переговоры прошли в новом формате, формат передачи*, хотя речь идет всего лишь о

новом составе участников или круге тем. Или слова *шок, шокировать*. Раньше это значило неприятно поразить, привести в смущение, - например, когда человек на бал пришел в телогрейке. А сейчас стало преобладать значение - просто удивить, поразить, заставить врасплох.

Думаю, что наши соотечественники, которые эти слова употребляют, не настолько знают английский, чтобы испытывать его влияние.

- Все это проникает через переводчиков, журналистов. Чем *консенсус* лучше согласия, а *имидж* - образа? Но некогда искать русское слово, редакция ждет материал... Да и с телеэкрана идет поток фраз-клише с английского: «оставьтесь с нами!», «какие проблемы?», «ты в порядке?».

Не обходится и без насили над языком. Вот, к примеру, модное слово *пользователь*. Речь тут идет только о человеке, который пользуется компьютером (с иными вещами, например, холодильником, такое сочетание невозможно). Точнее - это тот, кто использует, то есть пользователь, но такого русского слова нет. Между тем старое русское *пользовать* - значит лечить, а *пользователь* - тот, кто лечит.

По какому принципу в язык проникают чужие слова?

- Тенденция такова: если по-русски требуется не одно слово, а несколько, то предпочитается иноязычное. Поэтому *саммит*, скорее всего, окажется жизнеспособнее, чем встреча в верхах. Но есть и другие причины. Английское *ремейк* - это

В языке тоже нужны толерантность, терпимость и, значит, допустимы варианты.

переделка. Из-за того, что у нас это слово нагружено другими смыслами (переделка чего угодно), появился русский *ремейк*, который означает лишь переснятый, переделанный фильм.

Впрочем, была у нас и другая крайность, когда иноязычное слово ассоциировалось с чем-то враждебным, чуждым. В 40-е годы прошлого века, во времена борьбы с «низкопоклонством перед Западом», *грейдер* срочно переименовали в *струг*, *бульдозер* - в *тракторный отвал*, а сыр *камамбер* - в *закусочный*... Сегодня значительная часть россиян осознала себя частью цивилизованного мира, исчезает

противопоставление нашего образа жизни западному, отсюда и поток иноязычной лексики. Верховный совет давно стал именоваться парламентом, появились мэры, префекты, советы уступили место администрациям, главы которых обзавелись пресс-секретарями, которые регулярно организуют брифинги и рассылают пресс-релизы. Но при этом обиходная речь не испытывает чрезмерного наплыва иностранных слов. Гораздо чаще их лишь цитируют или сознательно обыгрывают: вместо *демократы* - *домокрыды*, вместо приватизации - *прихватизация*... Поэтому я не стал бы говорить, что иностранные слова затопили нашу речь и лишают ее самобытности.

Идет постепенное сближение языков или каждый перемалывает чужое на свой лад?

- Я думаю, в будущем национальное своеобразие русского языка сохранится, потому что сохранится его хребет - грамматика. У нас словарь в основном свой, заимствований всего примерно 10 процентов. Между тем средний человек знает приблизительно 32 тысячи слов - правда, в основном это пассивный запас, большую их часть он не использует. Чтобы общаться в быту, достаточно и нескольких тысяч.

А какой процент слов, которые мы считаем русскими, - иностранного происхождения? Если исключить, скажем, такие, как театр и тротуар, и оставить что-то вроде валенок и медовухи...

- Если копнуть в глубину, мы придем к общим индоевропейским корням, к общему праязыку. Есть очень древние заимствования. Даже слово *хлеб* - древнегерманского происхождения. Поэтому следует говорить о словах, которые пришли к нам в течение последних двух-трех веков. Может, немного раньше, когда татары оставили нам свои *башмаки* и *каблуки*, *шашлыки* и *арканы*.

Много ли в нашем языке еще нерешенных проблем?

- Скорее не в языке, а в науке о нем, где все время появляются новые вопросы. Например, *шопинг* - писать одно «п» или два? Или *мини-юбка* - с дефисом или без? Кстати, одна из трудностей - слитное и раздельное написание сложных слов: *водонагревательный, горно-обогатительный*... Ученые предлагают такой критерий: если есть суффикс в первой части - то черз дефис, нет - слитно. Но кто, кроме школьников, помнит про эти суффиксы? Поэтому некоторые лингвисты высказывают крамольную идею: допустить варианты. Наша орфография в отличие, например, от английской, где иногда можно писать и так и сяк, - безвариантная. А ведь это порой имеет серьезные последствия: скажем, юноша поставил в сочинении дефис, по которому и сами ученые еще не договорились, или в сложном слове ошибся - и вместо института идет в армию... В языке тоже нужны толерантность, терпимость. Это, конечно, не значит, что мы должны идти на поводу у неграмотных людей. В целом орфография остается нормативной, жесткой, и это отражено в только что вышедшем нашем

Во времена борьбы с «низкопоклонством перед Западом» грейдер срочно переименовали в струг, а сыр каммамбер - в закусочный.

орфографическом справочнике. Но есть какие-то зоны, где, на мой взгляд, могут быть варианты.

По поводу нынешней родной речи существуют разные мнения, от тревожных до благодушных. Какая точка зрения вам ближе?

- Современники всегда пристрастно, необъективно оценивают состояние языка. Между тем истории известны не менее драматичные периоды: массовые заимствования из французского (театральная терминология - оттуда), при Петре - из голландского, английского, немецкого. В позапрошлом веке было в ходу слово *суспичия*, но не прижилось, потому что у нас есть свое - *подозрение*. Так что не надо паниковать, язык способен самоочищаться. Все эти *вау, йес!* не приживутся, это языковая игра подростков. С другой стороны, многого ли добились те, кто требовал запретить слова «эгоизм», заменив его *ячеством*, «цитату» - *ссылкой* или *выдержкой*, а «позу» - *телоположением*... Конечно, не стоит бесстрастно наблюдать за тем, как засоряется родная речь. Но запретами тут ничего не добиться, нужны просвещение, культура, воспитание хорошего вкуса. Тогда и с языком будет все в порядке.

Беседу вел Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ